
С. А. Арутюнов

БИЛИНГВИЗМ И БИКУЛЬТУРАЛИЗМ

В последние два десятилетия, в связи с изучением вопросов взаимовлияния культур разных этносов в многонациональных обществах (как в СССР, так и за рубежом), большое внимание уделяется проблемам билингвизма. Причина этого лежит в интенсификации изучения процессов межэтнического взаимодействия, одним из проявлений которых является возникновение и распространение билингвизма. Понимая культуру как способ институционализации общечеловеческих форм деятельности¹, мы естественно, должны рассматривать язык как некоторую, пусть весьма специфическую, часть общей совокупности культурного достояния каждого общества или этноса. Билингвизм, или полилингвизм, при таком рассмотрении — частное проявление общего феномена бикультурализма или поликультурализма, т. е. способности общественного индивида разными способами институционализировать свою деятельность. Для краткости далее мы будем называть языковой би- или поликультурализм билингвизмом (двуязычием), а внеязыковой би- или поликультурализм просто бикультурализмом (двухкультурностью), хотя понятно, что строго терминологически это будет не вполне точно.

Хотя билингвизм, таким образом, должен рассматриваться в более широких рамках общего явления бикультурализма, возникающего в ходе процессов этнической ассимиляции, аккультурации, консолидации или сближения², и тесно взаимосвязан с другими, внеязыковыми формами проявления того же феномена, однако как функциональные взаимосвязи, так и структурно-системные аналогии между билингвизмом и бикультурализмом в его разных формах остаются пока еще относительно слабо изученными. Между тем как для практических, так и для теоретических задач исследования процессов межэтнического взаимодействия было бы полезно уделить больше внимания обоим указанным аспектам соотношения билингвизма и бикультурализма.

Впервые в нашей науке, насколько мне известно, на структурный параллелизм явлений билингвизма и бикультурализма (на основе сравнения процесса перевода и процесса осуществления культурных контактов) внимание было обращено В. Ю. Розенцвейгом в 1964 г.³ Однако высказанные в его труде идеи не получили дальнейшего развития. Почти одновременно попытка провести параллель между методикой изуче-

¹ См. Э. С. Маркарян. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 41.

² Под ассимиляцией мы понимаем здесь полную или почти полную утерю исходного состояния и столь же полное освоение нового состояния; под аккультурацией — приобретение основных черт нового состояния, при сохранении основных черт исходного; консолидация — сложение нового, более крупного единства на основе ряда более мелких родственных общностей; сближением можно называть любое взаимное проникновение культурных черт различных общностей, при сохранении ими основных черт своей специфики.

³ В. Ю. Розенцвейг. Лингвистический подход к описанию культурных контактов. — «Труды VII МКАЭН», т. V, М., 1970, с. 629.

ния процессов языкового и культурного развития была предпринята польским ученым К. Квасьневски⁴. Но подобные попытки до сих пор остаются единичными, и причину этого следует видеть в сравнительно слабом знакомстве этнографов с чисто лингвистическими работами, посвященными описанию языковых контактов. Между тем работы эти весьма многочисленны и разнообразны.

Больше внимания уделялось проблеме функционального соотношения билингвизма и бикультурализма, которая так или иначе неизбежно возникает при исследовании любых межэтнических контактов. Однако в этих случаях чаще всего она предстает в форме вопроса о соотношении масштабов развития двуязычия и двухкультурности, а не в плане изучения механизмов взаимодействия между развитием билингвизма и различных видов бикультурализма. Ценная разработка обоих указанных аспектов соотношения билингвизма и бикультурализма, в частности, определение параллелизма между языковой и культурной интерференцией, содержится в работе А. Пранды⁵. Существенное значение для более четкого понимания сущности динамики билингвизма, для более точного соотнесения ее с динамикой бикультурализма имеют новые работы С. И. Брука и М. Н. Губогло⁶.

Как динамический процесс, билингвизм и бикультурализм чаще всего рассматриваются в литературе в качестве определенных аспектов процессов культурной и языковой ассимиляции. В этих случаях предполагается, что группа *A*, первоначально владевшая лишь языком и культурой *A*, в ходе контактов с группой *B*, доминирующей численно, политически, экономически и (или) культурно, переходит к параллельному владению языком и культурой *B*, причем нарастание уровня *B* сопровождается снижением уровня *A*, вплоть до полного исчезновения функционирования *A* и установления полного господства *B*, т. е. завершения процесса ассимиляции. В символике, предложенной Ж. Р. Реманом⁷, эта последовательность будет выражаться как $A \rightarrow A \downarrow + B \uparrow \rightarrow B$. Однако даже в этом случае оба компонента, как правило, испытывают не только количественные, но и качественные изменения. Так, например, еще 100—150 лет тому назад большинство айнов о-ва Хоккайдо говорили только по-айнски, и лишь небольшая их часть, преимущественно родоплеменная элита, владела в какой-то мере и японским языком. Их материальная и духовная культура была чисто айнской. Разумеется, в ней, как и в языке, имелось некоторое число японских заимствований, а в айнском быту употреблялся ряд покупаемых у японцев предметов, например металлическая и лакированная посуда, однако эти предметы были переосмыслены согласно айнской системе ценностей, и их функциональное значение было иным, нежели у японцев.

В ходе интенсивной японской колонизации Хоккайдо в конце XIX—начале XX в. айны повсюду оказались оттесненными на позиции угнетаемого и дискриминируемого меньшинства, что породило у них сознательное стремление к возможно более полному уподоблению японцами, с принятием языка, антропонимической системы, религии, образа жизни и поведения последних, вплоть до отказа во многих семьях от употребления айнского языка в быту и попыток сокрытия от детей факта их

⁴ К. Квасьневски. Структурально-статистический метод в исследовании современной народной культуры.— «Сов. этнография», 1964, № 3.

⁵ А. Пранда. Влияние билингвизма на некоторые явления народной культуры.— «Сов. этнография», 1972, № 2.

⁶ М. Н. Губогло. Социально-этнические последствия двуязычия.— «Сов. этнография», 1972, № 2; С. И. Брук, М. Н. Губогло. Двуязычие и сближение наций в СССР.— «Сов. этнография», 1975, № 4. Их же. Факторы распространения двуязычия у народов СССР.— «Сов. этнография», 1975, № 5, с. 17; М. Н. Губогло, К изучению двуязычия в истории народов мира.— «Сов. этнография», 1977, № 5.

⁷ Ж. Р. Реман. Очерк одной ситуации многоязычия.— «Новое в лингвистике», в. VI, М., 1972.

айнского происхождения. Этот процесс сопровождался учащением этнически смешанных браков и еще более ростом числа детей, рожденных от внебрачных связей с японцами.

В результате в наши дни, за единичными исключениями, почти все айны говорят только по-японски и ведут всецело японский образ жизни, хотя и сохраняют в массе айнское этническое самосознание, чему, очевидно, способствуют как довольно заметные физико-антропологические различия между японцами и неметисированными айнами, так и еще более социальные факторы.

В вышеприведенной схеме Ремана оба взаимодействующих компонента выступают как независимые и самостоятельно функционирующие системы. Однако в каждую систему могут проникать и проникают чужеродные черты, и промежуточное состояние точнее было бы характеризовать не как $A+B$, а как $A\downarrow^{\uparrow}+B\uparrow^{\downarrow}$, а конечное как B^A , которое чаще всего даже при полной этнической ассимиляции может не смениться чистым B (ассимилированная группа в данном случае будет продолжать существовать в виде этнографической или диалектной группы). Здесь мы имеем дело с явлением интерференции, которая проявляется как в области языковых, так и в области культурных контактов. В айнском примере в конечном результате следов культурной интерференции практически нет (или их исчезновение можно предвидеть в ближайшем будущем). Однако они присутствуют в ходе всего процесса перехода от одного языка к другому, от одной культуры к другой. Здесь нет надобности говорить подробно, как в данном случае проявляется языковая интерференция, так как ее закономерности хорошо изучены. Достаточно сказать, что, как и следовало ожидать, в японской речи старшего поколения айнов еще в 50—60-х гг. XX в. можно было отметить фонетическую интерференцию (своеобразный айнский «акцент»), грамматическую интерференцию, выражавшуюся, например, в неправильном, с точки зрения японской грамматики, употреблении сложных видовременных глагольных форм и так далее.

Большой интерес для нас представляют явления культурной интерференции, наблюдаемые в процессе перехода от A к B , т. е. в данном случае от айнской культуры к японской. В указанные годы, когда их мог наблюдать автор, процесс перехода уже близился к завершению, но черты интерференции прослеживались, например, в облике некоторых домов. Будучи японскими по конструкции и планировке, они нередко сохраняли заднее окошко (*камуй-нояра*, или «окно богов», необходимое с точки зрения айнского ритуала, и делаемое, разумеется, сознательно), или содержали айнские *инау* на японской божнице *камидана*. Иногда эти дома имели айнскую форму соломенной крыши, не гладко стриженную, как у японцев, а уступчатую, составленную из рядов снопов, что делалось уже не сознательно, а в силу имеющихся навыков, ибо гладко стриженную крышу сложнее соорудить. Японцы иногда применяли на Хоккайдо уступчатую, айнского типа крышу, для подсобных помещений, но никогда — для жилища. Если провести параллель со случаями лексического взаимодействия, то этот пример напоминает те случаи, когда народ A , переходящий на язык B , продолжает употреблять для обозначения ряда предметов термины языка A , а контактирующий с ним народ B включает в свой лексикон те же термины языка A в сниженном стилистическом и семантическом варианте: например, слово *pukka* (настоящий, добротный) в английской речи индийцев и то же слово с ироническим оттенком, скажем, в сочетании *pukka sahib*, в речи англичан, живущих в Индии; или американское (алгонкинское по происхождению) *squaw*, которое в речи индейцев означает «жена», «женщина», а в речи американцев — «баба» и т. д.

В своей хозяйственной деятельности крестьяне-айны в указанное время не отличались принципиально от крестьян-японцев. Однако ассор-

тимент возделываемых культур на их участках обычно был несколько беднее, а качество агротехники и урожайность — ниже, чем у японцев, что понятно ввиду несоизмеримо большей давности навыков земледелия у последних. Любопытно, что при наличии материальных средств айнские хозяйства охотно и успешно переходили к животноводству, в частности, к коневодству, и объяснялось это тем, что в традиционной айнской культуре содержание при доме пойманных и прирученных животных (медведей, енотов, лис), старательный уход за ними были типичным явлением. Здесь уместно поставить терминологический вопрос: все ли эти примеры взаимодействия культур, могут быть выражены понятием интерференции. Да, если считать, что это понятие в вышеприведенных примерах дается расширительно, как всякое привнесение (от латинского *interferre* — привносить) в состояние *B* тех или иных черт, присущих состоянию *A*, в том числе и в тех случаях, когда это делается намеренно. В лингвистике же при описании языковых контактов интерференция обычно понимается несколько уже, а именно, как ситуация, при которой говорящий полагает, что он следует нормам языка *B*, но на деле во многом подменяет их нормами языка *A* (своего родного языка), бессознательно привнося их в язык *B*. В дальнейшем мы будем придерживаться именно такого понимания интерференции, как явления в некоторой мере неизбежно снижающего функциональную эффективность системы (понимаемость речи, воспринимаемость поведенческой культуры), что, разумеется, не ставится как цель при сознательном привнесении инородных элементов. Так, при двуязычии английского и хинди или другого индийского языка у индийцев подобная интерференция может проявляться в синтаксисе и (или) в фонетике и других сходных аспектах языка. В двухкультурности того же континента, при равной в общем степени овладения разными культурными системами, например, формами приветствия, этикета, навыками ношения костюма, интерференция может проявляться в аспекте цветового выбора (сочетания в одежде таких цветов, которые с европейской точки зрения не гармонируют), или в аспекте проксемики⁸ — бессознательного установления дистанции между собеседниками, допустимого уровня прикосновения друг к другу, когда представитель этноса *A* бессознательно руководствуется проксемическими нормами культуры *A*, хотя находится в среде *B* и в осознаваемой части поведения стремится следовать этикету, принятому в культуре *B*.

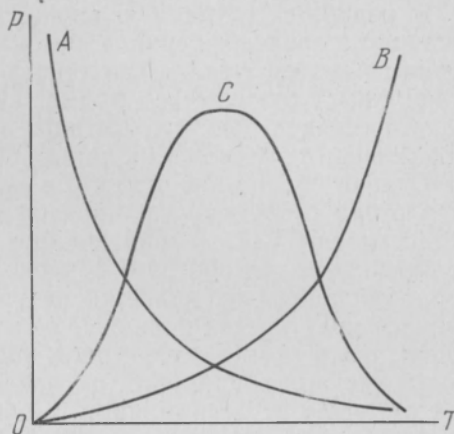
В тех случаях, когда мы анализируем билингвизм и бикультурализм типа $A \downarrow B \uparrow$ как переходное состояние от одноязычного состояния *A* к одноязычному и однокультурному состоянию *B*, было бы чрезвычайно интересно вычертить графики возрастания овладения элементами состояния *B*, соответствующей этапам этого овладения степени утери элементов состояния *A*, и, наконец, уровня развития интерференции на этих этапах.

К сожалению, насколько мне известно, таких попыток не делалось даже в отношении билингвизма. Что же касается внеязыковой культуры, то при любой попытке ее количественной характеристики возникают трудности методического характера, отраженные в уже упоминавшейся работе К. Квасъневски. Однако эмпирические наблюдения позволяют предположить, что в тех случаях, когда процесс перехода (аккультурации и последующей ассимиляции) принимает черты формирования, хотя бы временного, маргинальной культуры, т. е. когда культура *A* престижно и социально оценивается значительно ниже культуры *B*, например, в айнско-японском или в описанном Х. Эйдхеймом саамско-нор-

⁸ См.: O. Michael Watson. Proxemics.— «Current trends in linguistics», v. 12— «Linguistics and adjacent arts and sciences», pt. I. The Hague, 1974, p. 311; E. T. Hall. Proxemics.— «Current Anthropology», v. 9, N 2, 1968, p. 83—108.

вежском контакте⁹, падение процента черт *A* и нарастание процента черт *B* происходит по гиперболе. Если это предположение верно, то это означает, что в середине процесса маргинальное бикультурное и билингвистическое состояние является обедненным как по сравнению с исходным *A*, так и с конечным *B* однокультурным и одноязычным состоянием. Иными словами, в начале процесса идет довольно быстрая утеря многих черт исконного культурного и языкового состояния, не полностью компенсируемая все еще медленным приобретением новых черт; в середине процесса утеряно уже значительно более половины черт исходного состояния *A*, но приобретено еще значительно меньше половины черт конечного состояния *B*¹⁰. Наконец, на завершающем этапе процесс восприятия черт *B* идет интенсивно, лавинообразно, а процесс изживания

Развитие интерференции при переходе от одного культурно-языкового состояния к другому: *P* — процент элементов одного и другого состояния в данный момент, от 0 до 100; *T* — ось времени; *A* — убывание элементов состояния *A*; *B* — нарастание элементов состояния *B*; *C* — динамика интерференции

немногих оставшихся черт *A* резко замедляется. Что же касается интерференции, то представляется, что она еще невелика в начале и уже невелика в конце процесса, но достигает пика в его середине, и, таким образом, на графике соответствует кривой нормального статистического распределения (см. рис.). Это, разумеется, еще далеко не проверенная гипотеза, но создается впечатление, что она довольно близка к реальной картине протекания многих случаев культурных и языковых контактов, в тенденции ведущих к ассимиляции. Последняя может быть и часто бывает неполной, и тогда ситуация может надолго затормозиться где-то на любом отрезке оси, т. е. практически на уровне центральной части графика, причем, скорее всего, немалую тормозящую роль играет именно возрастающая в этот период интерференция. В случае очень сильного торможения процесса аккультурации вследствие особо высокой интерференции, при продолжающемся снижении употребительности системы *A*, процесс перехода так и не завершается стадией чистого состояния *B*, и образуется пиджин, который затем может креолизироваться, т. е. стать родным для данной группы языком (Гаити, Маврикий, Сиерра-Леоне, некоторые районы Папуа Новой Гвинеи и др.). При этом представляется, что термины пиджинизация и креолизация, и не просто термины, но стоящие за ними комплексы понятий и структур, применимы в таких ситуациях не только к языкам, но и к внеязыковым компонентам культуры. В таких случаях, когда процесс ассимиляции не доходит до полного завершения, его результатом является образование

⁹ *H. Eidheim*. When ethnic identity is a social stigma.—Fr. Barth, (ed.). *Ethnic groups and boundaries*, Boston, 1969.

¹⁰ Очень образную характеристику подобной маргинальной ситуации дал Н. А. Бутинов: «Так, из обломков папуасской культуры, с одной стороны, и из обносков европейской,— с другой, складывается образ жизни людей деревни Ануабата». (*Н. А. Бутинов*. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968, с. 143).

новой диалектной или этнокультурной (этнографической) группы, или даже особого этноса. В качестве примеров таких этнокультурных групп разного таксономического уровня можно назвать на Северо-Востоке Сибири чуванцев, марковцев, камчадалов, колымцев, беринговских и медновских алеутов. На какой-то период они стали одноязычными и однокультурными, с новыми, смешанными языком и культурой. Затем, уже в новейшее время, у некоторых из таких групп, являвшихся своеобразными этнографическими группами русского этноса, вновь развились билингвистические и бикультурные процессы, где «свой» диалект и культура находились в роли *A*, а в роли *B* выступала общесоветская культура и нормативный русский язык, которые в наши дни, по крайней мере у молодого поколения, стали единственными языком и культурой.

В подобных случаях явления интерференции характерны для начального и среднего периода контактов, а для итоговых ситуаций характерна не интерференция как таковая, а ее стабилизовавшиеся последствия, выступающие в форме субстрата: отличная от норматива фонетическая структура местного диалекта, особенности культурно-хозяйственной терминологии, детали быта и орудий труда и т. п.

Однако представляется, что в культурно-языковой картине большинства стран современного мира значительно более распространены и представляют наибольший конкретный интерес те случаи, когда, по крайней мере на обозримый период времени, конечным результатом процесса контактов является ситуация *A+B*, т. е. параллельное стабильное практически полноценное владение двумя системами как в языковом, так и (или) в культурном плане. Именно к процессам, ведущим к такой ситуации, применимым представляется понятие аккумуляции, как отличное от ассимиляции и обозначающее усвоение, практически полное, новой культуры, и (или) языка, без сколько-нибудь существенного ущерба для старых. Разумеется, если одна общность является одновременным носителем в более или менее сравнимой степени двух культур (или языков), то между последними не может не возникнуть хотя бы ограниченных взаимовлияний, как правило, обоюдных, хотя практически всегда неравновеликих. Так, небольшая этнографическая группа бацбийцев (цова-тушин) в Грузинской ССР, сохраняя в узко-бытовой среде язык нахской группы, в общественной жизни говорит на грузинском¹¹. В ее грузинской речи можно отметить лишь сравнительно небольшое влияние нахской языковой специфики, преимущественно фонетической, но в ее нахский язык входит множество грузинских слов и выражений. Близкая ситуация, но при почти равновесном балансе обоих компонентов, сложилась в Парагвае в соотношении гуарани и испанского языка, причем здесь в парагвайский испанский вошло значительное число слов гуарани¹². В качестве примера бикультурализма можно привести поведение японского или индийского студента: оно будет строиться по канонам местной культуры при домашней трапезе, и, скорее всего, по канонам урбанистической (европеизированной) культуры в университетской столовой или большом городском ресторане, не говоря уже о зарубежной поездке. Культурные различия будут затрагивать не только состав самой трапезы, способ и манеру сидеть за столом и есть, но, вполне вероятно, даже определенные пищевые и поведенческие запреты, которые, будучи весьма действенными в домашней обстановке, могут вполне потерять свою действенность вне дома: для индийца такими запретами могут оказаться употребление мяса, алкогольных напитков, касание пищи левой рукой и т. д.

¹¹ Ю. Д. Дешериев. О взаимодействии древнеписьменных, младописьменных и бесписьменных языков.— «Вопросы теории и истории языка». М., 1952.

¹² J. Rubin. Bilingualism in Paraguay.— «Readings in the sociology of language», The Hague, 1968; *ее же*. Toward the use of formal methods in the detection of culture change.— «Proceedings. VIII-th ICAES», v. II, Tokyo, 1968, p. 156.

В то же время определенное взаимовлияние двух культур или систем поведения может проявиться во всех рассмотренных ситуациях: в домашнюю трапезу могут быть включены приправы и соусы, которые характерны для европейской кухни, она может проходить с использованием европейской посуды и мебели (стола, стульев). В трапезе европеизированного типа влияние местной традиции может проявиться в повышенной потребности в чае или воде для запивания, в отказе от некоторых блюд и продуктов. Многое здесь будет зависеть от индивидуальных факторов, но ведь в языковой интерференции при двуязычии они играют не меньшую роль. В подобной ситуации сосуществующие культурные и языковые системы обслуживают, обуславливают и институционализируют социальное поведение на разных уровнях и в разных сферах, причем при переходе от одного уровня (сферы) к другому происходит переключение кода.

В уже упоминавшейся работе Джоан Рубин¹³ разобраны случаи, когда в парагвайской среде происходит переключение с гуарани на испанский и наоборот. Ярчайший пример дает также работа Эйдгейма, где описано, как саамы, работающие на отгрузке тары из склада, переключаются в разговоре между собой с саамского на норвежский каждый раз, выходя из склада, и наоборот (в складе работают только саамы, а снаружи, на причале, присутствуют матросы норвежцы)¹⁴. У парагвайцев переключение кода происходит в собственной этнической среде при переходе речи с неофициального, товарищеского уровня (гуарани) на деловой, официальный (испанский) и наоборот. У саамов уровень не играет роли, определяющим является присутствие чужака, даже при отсутствии общения с ним. Индийцы, владеющие английским языком, в описанном случае могут продолжать говорить на родном языке, и перейти на английский только тогда, когда начинается общение с иностранцем. Но общий сигнал к переключению кода один — снижение уровня интимности ситуации ниже некоего предела. Тот же самый фактор, а именно снизившийся уровень интимности («домашности») ситуации, определяет и моменты, когда бикультурал переходит от «своей» культуры *A* к «чужой» культуре *B*. Дело только в том, что внеязыковая часть культуры вообще более диффузна и проницаема, чем языковая, поэтому момент переключения культурного кода не столь дискретен и четок, как при переключении с одного языка на другой, и не так легко поддается однозначной фиксации. Хотя определенная интерференция при переключении с кода *A* на код *B* может иметь место не только в переходной (ассимиляционной, или аккультурационной), но и в стабильной ситуации билингвизма и бикультурализма, все же в последней преобладают такие взаимовлияния *A* и *B*, которые являются осознанно или неосознанно вносимыми в целях взаимного обогащения и усовершенствования обеих систем и, таким образом, не должны рассматриваться как интерференция в узком смысле слова. Надо сказать, что при интенсивном восприятии *B* в языке, как известно, развиваются интерференционные явления не только под влиянием *A* на *B*, но и под влиянием *B* на *A*. Таковы галлицизмы типа «войдя в дом, там было очень темно» в языке русских дворян XIX в., или «Onkel Peter gleicht die Käse nicht» в языке американских немцев под влиянием английского like, имеющего значение не только «быть похожим», но и «любить». В бикультуральной ситуации, по-видимому, такие явления встречаются реже.

Рассмотрим теперь некоторые варианты и модели билингвизма и бикультурализма на примере ряда материалов по этнографии зарубежных стран. На этих примерах можно видеть, что развитие билингвизма и бикультурализма, хотя и сопряженные процессы, но не строго парал-

¹³ J. Rubin. Toward the use of formal methods...

¹⁴ H. Eidheim. Указ. паб., с. 51.

лельные и в конкретной ситуации один может существенно опережать другой.

Процессы так называемой «вестернизации» в Японии (термин этот, выражающий одну из форм аккультурации, употребляется нами сугубо условно) привели к ситуации сбалансированного бикультурализма (японского и «европейского»), при относительно небольшой интерференции, но с образованием довольно широкого круга смешанных синтетических и субстратно-суперстратных форм¹⁵. Двухязычие же (практически только англо-японское) осталось и по сей день ничтожным. Растянувшиеся с IV по XVIII вв. постоянные и тесные китайско-японские культурные контакты сопровождались существенной интерференцией (особенно заметной в сфере культов, в частности народных) и привели к появлению большого числа синтетических форм, но преимущественно в форме суперстратного воздействия. Практически весь народный буддизм искажен интерференционными воздействиями до полного несоответствия отдельных образов своим прототипам: между японским Дзидзо и исходным индийским Ксити-гарбхой, между Бато-Каннон и Хаягривой нет почти ничего функционально общего. В этих образах можно усмотреть сильнейшее субстратное влияние каких-то сходных по функциям персонажей более древних народных культов. С другой стороны, включение триратны в синтоистский ритуал — явно суперстратное воздействие, причем также подвергшееся интерференции¹⁶.

Если попытаться проанализировать средневековый японо-китайский бикультурализм, используя данный выше график, то вряд ли будет преувеличением сказать, что значительнейшая часть средневековой японской культуры представляет собой сперва пиджинизированную в быту высших сословий, а затем креолизованную в общенародном масштабе китайскую культуру. Именно большое развитие интерференции привело здесь не к культурной ассимиляции, а к креолизации культуры¹⁷. И можно даже сказать, что такой письменный стиль, как *камбун* (по существу обычный *веньянь*, но оснащенный японскими грамматическими показателями *тэниоха*) представляет собой не что иное как пиджин (древнекитайская лексика, надетая на структурный скелет японских синтаксических правил), но только очень специфичный — исключительно письменный. Что же касается собственно двухязычия, то оно, хотя и было ограничено социальной элитой и выступало почти исключительно в письменной форме, все же было широко распространено и, несомненно, способствовало развитию суперстратных явлений, в частности огромной доли китайских заимствований в терминологической части лексики. Некоторые его проявления должны быть отнесены не столько к билингвизму, сколько к бикультурализму, например, практика сочинения как японских стихов (*танка*), так и китайских (*си*).

Совершенно противоположная ситуация наблюдается в Люксембурге. Здесь имеет место всеобщее трехязычие, французско-немецко-люксембургское, но три языка распределены здесь не столько по социально-стилевым уровням (типа высокого стиля — речи элиты и низкого стиля — речи простонародной), сколько по ситуационным, по уровню близким сферам. Это распределение по сферам подробно описано в уже упоми-

¹⁵ О них подробнее см.: С. А. Арутюнов. Традиционное и заимствованное в современной материальной культуре японского города. — «Сов. этнография», 1964, № 5; *его же*. Новые черты в японском женском национальном костюме. — «Сов. этнография», 1965, № 4.

¹⁶ С. А. Арутюнов. Триратна в синто — «Индийская культура и буддизм». М., 1972.

¹⁷ Пиджинизацию и креолизацию мы понимаем здесь как процессы, гомологические, соответственные аккультурации и ассимиляции, с той разницей, что в этом случае восприятие нового состояния (культурного или языкового) сопровождается его существенным преобразованием, так что результат качественно отличается от исходного прототипа.

навшейся работе Ремана¹⁸. Так, преподавание ведется в начальных классах на люксембургском, затем на немецком, а в старших классах на французском. Радиовещание идет по-люксембургски, в телевидении преобладает французский, в объявлениях и этикетках — немецкий. Культура, напротив, достаточно гомогенна, и говорить здесь о каком-либо бикультурализме не приходится.

Своеобразный парагвайский пример показывает всеобщее двуязычие, причем размежевание сфер четко коррелируется с социально-стилистическим уровнем. Обобщенно можно сказать, что в Парагвае гуарани и испанский так же распределены по социально-стилевым ситуациям, как в Японии просторечный язык и вежливый стиль или в яванском обществе «нгоко» и «кромо»¹⁹. Что же касается парагвайской культуры, то, хотя она и носит синтетически-смешанный, индейско-испанский характер, бикультурализма как такового здесь нет, скорее можно считать, что индейский компонент в культуре представлен субстратными чертами. Нет в настоящее время и языковой интерференции, она сменилась явлениями субстратно-суперстратного порядка. В отличие от культуры, в языковом контакте более проявлены суперстратные черты, т. е. испанские лексические включения в гуарани, хотя и включений из гуарани в парагвайском испанском немало.

В Индии наблюдается тесная связь билингвизма и бикультурализма, носящего более или менее элитарный характер. Надо сказать, что определение это в общей форме приложимо и к двуязычию типа англо-хинди, и к двуязычию типа хинди-маратхи или маратхи-бхили. Интерференция очень сильна на всех уровнях.

Различия между перечисленными ситуациями могут быть объяснены, исходя из различий по ряду факторов: этно-территориальная разобщенность или, наоборот, близость и даже чересполосность контрагентов, близость или различие их социально-экономических уровней и культурных традиций, соотношение демографической численности контактирующих групп, соотношение общего объема информации, потенциально доступного на их языках и т. д. Приходится, очевидно, признать, что результат зависит от сложного переплетения многих факторов, ни один из которых не может быть определен как безусловно доминирующий.

Э. Хауген²⁰ различает четыре типа основных возможных ситуаций: 1) бикультурализм и билингвизм (таковы, как нам представляется, некоторые иммигрантские группы в США, корейские иммигранты в Японии, китайцы в Индонезии и т. п.); 2) бикультурализм и монолингвизм (в наших примерах — японцы); 3) монокультурализм при билингвизме (в наших примерах Люксембург, Парагвай); 4) одна культура и один язык (фондовый случай). Однако реальность сложнее такой схемы, и Хауген сам отмечает, что носитель может владеть менее чем двумя, но более чем одной целой языковой и культурной системой. Но даже если учесть наличие таких промежуточных вариантов, то ими не исчерпывается вся сложность. Важно и то, на каком уровне располагается тот компонент, который менее целого.

Провансальцы, особенно городские, могут владеть вполне целой французской языковой и культурной системой и менее чем целой, уже сильно деформированной провансальской. Это ситуация $A+B$, типичная для групп, уже завершивших процесс аккультурации и имеющих тенденции к ассимиляции. В СССР упоминавшийся бацбийский (цова-тушинский) пример, пожалуй, является одним из наиболее изученных случаев подобной ситуации. В таких случаях B присутствует практически на всех уровнях общения, а A — только на самых низших.

¹⁸ Ж. Р. Реман. Указ. раб., с. 159.

¹⁹ «Народы Юго-Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1966, с. 439.

²⁰ Э. Хауген. Языковой контакт.— «Новое в лингвистике», в. VI, с. 64.

Обратимся теперь к третьему поколению японских иммигрантов в США, в значительной степени не просто аккультурировавшемуся, но и отчасти ассимилировавшемуся, а ныне вновь стремящемуся возродить в себе черты японской культурной специфики, или к той части ирландского этноса, среди которой сейчас культивируется ирландское языковое возрождение. Ситуации такого типа настолько нередки в современном мире, что породили крылатое выражение — «внуки стремятся вспомнить то, что деды стремились забыть». Здесь полузабытый родной *A* подставляется на высшие престижные уровни, тогда как *B* опять-таки присутствует на всех. В бикультурных ситуациях случаев такого рода особенно много, и о примерах подобной подстановки традиционной культуры с низших уровней на высшие нам уже не раз приходилось писать²¹. Тяготение сельского населения к городским формам быта, а городского населения, напротив, к украшению своего быта традиционными элементами крестьянской культуры представляет частный случай подобной ситуации бикультурализма.

Совершенно ясно, что и люксембуржцы, и парагвайцы образуют независимые этносоциальные организмы, таксономически равноценные и неподчиненные испанскому или французскому и немецкому этносоциальным организациям. Тем более это относится к японцам. В то же время значительно большее число ситуаций билингвизма и бикультурализма, возникающих в ходе аккультурации, принадлежит к тем случаям, когда группа, в которой они развиваются, относится к разряду сравнительно малых народностей или национальных групп, ассоциированных с более крупными, экономически и культурно более развитыми нациями и народами.

При изучении этих форм билингвизма и бикультурализма можно особенно четко видеть те социальные различия в их развитии, которые зависят от господствующего в каждом данном случае общественного строя — капиталистического или социалистического. В последнем случае мы имеем в виду главным образом народы СССР, однако представляется, что сходные закономерности действуют и в ряде других многонациональных социалистических стран, таких как Югославия, Чехословакия, Вьетнам.

На примере Люксембурга или Японии мы наблюдали ситуацию параллельного или примыкающего билингвизма и бикультурализма, где *A* и *B* взаимно дополняют друг друга, но не находятся на разных уровнях. В случае же ассоциированных групп, например, в англо-уэльском, франко-бретонском, франко-эльзасском и франко-провансальском билингвизме или бикультурализме, *A* и *B* находятся на разных уровнях. *A* здесь обслуживает те сферы деятельности, которые возникают на уровне народности или ранее, а *B* обслуживает те сферы, которые формируются на уровне нации, т. е. *A* остается языком семьи, сельского труда, поэзии и т. д., а *B* выступает языком индустриальной экономики, средств массовой коммуникации, технического образования. При этом тенденция динамики выступает в форме $A \downarrow B \uparrow$, т. е. *B* проявляет тенденцию к расширению своей сферы за счет сужения сферы *A*. Рост этнического самосознания может приостановить развитие этой тенденции, но, как правило, не может ее повернуть вспять.

В советских условиях формально сходная схема ассоциации (именно только формально сходная, потому, что социальные и экономические условия здесь иные, исключающие национальное неравноправие и угнетение) может иметь место в некоторых случаях, как, например, в бацбийско-грузинском, курдско-армянском, язгулемско-таджикском билингвизме, где небольшие народности и этнографические группы ассоцииро-

²¹ С. А. Арутюнов. Статика и динамика неевропейской бытовой культуры.— «Основные проблемы африканистики», М., 1973, с. 37.

ваны с нацией своей союзной республики. Однако принципиально иная картина наблюдается в тех случаях, когда функция *B* выполняется русским языком, а эти случаи составляют подавляющее большинство всех конкретных примеров билингвизма. Если курдский билингвизм и бикультурализм можно охарактеризовать как курдско-армянский, то армянский бикультурализм (в отличие от билингвизма) выступает уже не как армянско-русский, а как армянско-советский (само собой разумеется, что эта ситуация включает и курдов, у которых можно отметить тройственную курдско-армянско-советскую культурную систему, и соответственно курдско-армянско-русский трилингвизм). При этом в силу уже упоминавшейся большей диффузности, проницаемости внеязыковой части культуры распространение билингвизма опережается распространением бикультурализма: бикультурализм типа локальный + советский охватывает сегодня практически все население, тогда как билингвизм, хотя и распространен широко, все же еще отнюдь не стал всеобщим. Среди русского народа массового двуязычия не наблюдается (хотя, имеет место сосуществование разных стилевых уровней), но культура русских также может быть подразделена на две части — этнически специфическую русскую и общесоветскую.

Общесоветская культура, вербальное выражение которой осуществляется главным образом через русский язык, представляет собою важный механизм функционирования новой исторической общности людей — советского народа. В отличие от англо-валлийской ассоциации (где носителем английской культуры является английская нация, а уэльская народность выступает как ассоциированная с ней, но сама не порождает эту культуру), общесоветская культура порождается всеми народами СССР, и все они ассоциированы с этой культурой. Этим путем достигается интеграция всех народов СССР — русских, армян, узбеков, курдов, эвенков, чукчей, нивхов и других — в общность советского народа. Каждый народ СССР, таким образом, является носителем, потребителем и создателем по меньшей мере двух культур — этнически специфической и общесоветской. Эти две культуры гармонически дополняют друг друга, выполняя частью различные функции, частью образуя значительную зону перехода. Некоторые культурные формы (местные праздники, ритуалы, виды пищи, народные танцы и песни, спортивные игры и т. д.) остаются этнически специфичными только для данного этноса. Другие формы стали, становятся, или потенциально могут стать общесоветскими. Среди них также можно найти виды гиши, спортивные игры, а также произведения профессиональной художественной культуры (одни из них приобретают общесоветское значение, а другие нет) и многие другие культурные формы. Наконец, есть и такие формы культуры, которые порождаются непосредственно в зоне функционирования общесоветской культуры — это общесоветские принципы права и морали, этики, эстетики, общесоветские праздники и обряды и пр.

На индивидуальном уровне, безусловно, можно найти различия в степени приобщенности отдельных лиц к ценностям общесоветской (как и своей этнической) культуры, но в целом, очевидно, что бикультурализм этого типа резко опережает локально-русский билингвизм, хотя последний существенно способствует ходу процесса дальнейшей общесоветской культурной интеграции.

Важно отметить, что и бикультурализм, и билингвизм такого типа не обязательно должны развиваться и реально часто отнюдь не развиваются по принципу $A \downarrow B \uparrow$, а нередко, напротив, ситуации $A \uparrow B \uparrow$, когда абсолютно растет и объем информации, заключенный в родном языке (культуре), и в русском языке (общесоветской культуре). Лишь относительные темпы роста второго компонента опережают темпы роста первого.

В процессе социализации индивида усвоение норм этнически специ-

фичной культуры происходит раньше, чем усвоение общесоветских норм (аналогично с языком). Поэтому на том этапе социализации, когда начинается усвоение второй категории норм, вполне возможно возникновение интерференции.

Поскольку культура вербализируется в языке и поскольку русский язык служит медиатором общесоветской культуры, языковая интерференция может отражаться в культурной, в частности, в связи с несовпадением семантических полей тех или иных понятий.

В свете вышесказанного ясна необходимость уделять больше внимания проблемам соотношения билингвизма и бикультурализма. Необходимо глубже уяснить, как они обуславливают и стимулируют друг друга, каково между ними соотношение в разных конкретных случаях, а также исследовать возможности использования при изучении бикультурализма тех структур и моделей, которые уже хорошо разработаны в сфере билингвизма.

BILINGUALISM AND BICULTURALISM

Culture being understood as a specifically human and non-biological hereditary way of functioning it must be recognized that language is a part of culture, but a specific part: one that is more distinctly structurized than the remaining, non-linguistic part. That is why problems of regularities in inter-ethnic contacts in the linguistic field are better studied than those in the field of non-linguistic culture. They are, however, both embraced by the wider concept of inter-cultural contacts; hence concepts and conclusions based upon the study of inter-linguistic contacts may be extrapolated to contacts in other fields of ethnic culture. In other words, a certain parallel may be drawn between bilingualism and biculturalism. An approach to solving this problem is made in the paper. Various cases of bilingual and bicultural situations are examined; their interrelations are analyzed as well as the possibility of transferring to the study of inter-cultural contacts the concepts of interference, pidginization and creolization, as well as the trend of interference in the course of contact and the influence of this trend over the evolution of the contact.
